

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)»
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»

ЮУрГУ

Проспект Ленина, 76, Челябинск, Россия 454080, тел./факс (351)267-99-00, e-mail: info@susu.ru, www.susu.ru
ОКПО 02066724, ОГРН 1027403857568, ИНН/КПП 7453019764/745301001

УТВЕРЖДАЮ:

Первый проректор – проректор

по научной работе

доктор технических наук, доцент

А.В. Коржов

« 27 » апреля 2026 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

о диссертации Пронина Максима Вячеславовича «Категория поэтического языка (на материале ленинградской и московской неподцензурной поэзии)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3 – Теория литературы

Диссертационное исследование Максима Вячеславовича Пронина посвящено фундаментальной проблеме современной теоретической поэтики – определению статуса, границ и содержательного наполнения категории поэтического языка. Несмотря на длительную традицию изучения (от трудов М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Ю.Н. Тынянова, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, А.А. Потебни до современных изысканий В.П. Григорьева, М.И. Шапира, О.И. Северской и др.), единая и разделяемая научным сообществом теория поэтического языка до сих пор не выработана, а само понятие продолжает наполняться разнородными, а подчас и противоречащими друг другу трактовками. Нерешенный вопрос о соотношении «поэтического языка», «языка художественной литературы» и «литературного языка» свидетельствует о необходимости дальнейшего теоретического осмысления данной категории.

Обращение к вопросу о том, как работает язык в поэтических текстах, особенно в тех, которые сознательно противопоставляются литературной норме (ленинградский андеграунд, московский концептуализм), представляется не только своевременным, но и необходимым для уточнения теоретического аппарата современного литературоведения. Актуальность работы усиливается тем, что автор не ограничивается обобщением предшествующих концепций, но предлагает собственную модель анализа, апробированную на значительном и ранее не изучавшемся в этом ракурсе материале.

Во введении автор убедительно обосновывает актуальность избранной темы, связывая её с тремя ключевыми проблемами: неразработанностью общепринятой теории поэтического языка, отсутствием системного описания поэтических идиолектов авторов андеграунда и необходимостью теоретического (а не только историко-литературного) осмысления их творчества. Диссертант акцентирует внимание на высказывании В.П. Григорьева о том, что до сих пор не выработана «единая процедура, позволяющая в равной мере представить сущность и многообразные проявления идиостилей поэтов» (цитата из диссертации, с. 5). Однако раздел «Степень изученности темь» носит преимущественно описательный характер. И хотя в нём представлен широкий спектр ключевых имен (от классиков XIX–XX вв. до современных исследователей), материал изложен в форме развернутого перечисления, а не критического анализа тех лакун, которые, как изначально постулирует диссертант, призвана заполнить данная работа. Более детальное выявление того, какие именно вопросы остались неразрешенными в работах предшественников, позволило бы убедительнее обосновать необходимость постановки задач, решаемых в диссертации.

Необходимо также отметить, что заявленная цель исследования «осмысление понятия “поэтический язык” как категории» (с. 10) сформулирована достаточно широко. С методологической точки зрения более точным было бы указание на разработку теоретико-прикладной модели или типологии, что явно прослеживается в поставленных задачах и заявленной научной новизне. Фактически соискатель выстраивает целостную теоретическую модель анализа поэтического языка, стержнем которой становится понятие «минус-приема»

(развернутое в концепцию «минус-языка»). На это, в частности, указывает предложенная автором интерпретация поэтического языка андеграунда как совокупности сознательных отступлений от литературной нормы, не обладающей собственной семантикой и словарем. В связи с этим более точной следовало бы признать формулировку цели, акцентирующую не просто «осмысление», а именно конструктивный, моделирующий характер предпринятого исследования.

Следует обратить внимание на то, как соотносятся между собой положения, выносимые на защиту (автореферат, с. 7–8). С одной стороны, во втором пункте поэтический язык андеграунда характеризуется как «минус-язык», то есть система сознательных нарушений нормы. С другой стороны, в четвертом пункте утверждается, что тексты «подпольщиков» строятся на приоритете автокоммуникации и рефлексивной коммуникативности. Однако связь между этими двумя характеристиками, деструктивной (отрицание нормы) и конструктивной (порождение новых форм общения) не до конца раскрыта. Можно предположить, что «минус-язык» не исчерпывается отрицанием, а выполняет и позитивную функцию: именно через нарушение нормы в этих текстах запускаются механизмы автокоммуникации и формируется альтернативная эстетика. В формулировках положений, выносимых на защиту, эта созидательная функция «минус-языка», к сожалению, не отражена.

Несмотря на отмеченные недочеты, введение выполнено по всем канонам жанра: сформулированы объект, предмет, задачи и пять положений, выносимых на защиту (автореферат, с. 7–8), которые логически вытекают из структуры работы и отражают её научную новизну. Личный вклад соискателя также описан предметно и конкретно.

Первая глава диссертации «Категория поэтического языка» (в автореферате представлено другое название: «Основные аспекты осмысления поэтического языка») задает теоретический фундамент для всего последующего исследования. Диссертант справедливо исходит из того, что, несмотря на обширную традицию изучения, в российских и зарубежных гуманитарных науках до сих пор сохраняются принципиальные разногласия относительно того, что такое поэтический язык, каков его статус, как он соотносится с «литературным языком» и «языком художественной литературы». Отсутствие единой, поддерживаемой

всем ученым сообществом теории, размытость понятийного аппарата, невыработанность надежных методов анализа – все это делает обращение к теме не только актуальным, но и необходимым для дальнейшего развития теоретической поэтики.

Сильной стороной этой главы является предложенная диссертантом оригинальная типология. Изучив существующие точки зрения, автор выделяет пять групп концепций в зависимости от того, какой аспект признается приоритетным. Такой способ систематизации позволяет не просто перечислить имена и подходы, но выявить внутреннюю логику развития научной мысли. Предложенная классификация обладает несомненной эвристической ценностью. Она не только упорядочивает пестрый спектр существующих подходов, но и выявляет внутреннюю логику их развития: от понимания языка как «сырья» к трактовке его как «творческого полигона».

Однако, как и любая типология, она не свободна от некоторой схематизации. Так, отнесение В.В. Виноградова к первой группе (язык как «сырье») вступает в известное противоречие с его же программной критикой формалистов за отрыв поэтического языка от общенародного. Виноградов, как известно, настаивал на том, что русский естественный язык и поэтический язык – это один и тот же язык, разница между ними заключается лишь в особенностях употребления. Это замечание, однако, не отменяет общей ценности предпринятого обзора, а лишь указывает на сложность и многомерность рассматриваемой проблемы, задает четкий вектор для последующего теоретического конструирования и превращает первую главу из простого обзора в полноценное введение в проблематику, подготавливая читателя к центральной концепции диссертации, которая будет развернута во второй главе.

Вторая глава «Актуальные проблемы изучения неподцензурной поэзии» выполняет роль связующего звена между теоретическим обзором, представленным в первой главе, и последующим анализом конкретных поэтических идиолектов. Здесь диссертант переходит от вопроса «что говорили о поэтическом языке другие» к вопросу «как применить эти знания к материалу, который долгое время оставался за рамками официальной литературы». Глава

состоит из двух параграфов, первый из которых посвящен проблеме инварианта, а второй – разработке ключевой для всей работы концепции «минус-языка».

В параграфе 2.1 «Проблема инварианта неподцензурных поэтических текстов» диссертант предпринимает попытку ответить на вопрос: существует ли некая устойчивая структура, объединяющая столь разных авторов, как Л. Аронзон, В. Кривулин, Д. Пригов или Е. Шварц. Опираясь на работы самих участников андеграунда, автор приходит к выводу, что ни о каком общем инварианте говорить не приходится. Мир андеграунда был неоднороден: отсутствовала единая идеологическая платформа, общий манифест или свод правил. Поэты использовали самые разные стиховые формы, от силлабического стиха (А. Кондратов, О. Охупкин) и раёшника (В. Уфлянд) до сонета (Л. Аронзон, В. Кривулин) и верлибра (С. Куллэ). Диссертант убедительно показывает, что неофициальная культура представляла собой скорее «определенную художественную среду» (с. 73), где идейные продолжатели русского модернизма соседствовали с религиозными мыслителями, диссидентами и поэтическими новаторами.

Взамен единого инварианта автор предлагает говорить о «частых инвариантах» – темах и приемах, которые могут повторяться у одного автора и отсутствовать у другого. Среди таких сквозных тем он называет «интерес к истории и месту человека в ней», «обращение к мифологии и загробной жизни», демонстративную насмешку над официальной советской культурой (с. 80). Этот вывод имеет принципиальное значение для всей дальнейшей структуры диссертации, так как он освобождает исследователя от необходимости искать то, чего нет, и позволяет сосредоточиться на выявлении индивидуальных идиомов.

Особого внимания заслуживает обращение диссертанта к самоощущению участников андеграунда. Анализ статьи Кривулина, который писал о «несамоочевидности» языка новой поэзии и о формировании «человеко-текста» вместо традиционной авторской субъективности (с. 60–61), а также интервью С. Стратановского, говорившего о «культурном сопротивлении» как способе выживания в условиях жесткой цензуры (с. 68), позволяет автору избежать одностороннего взгляда на андеграунд как на чисто эстетический феномен.

Параграф 2.2 «Поэтический язык как “минус-язык”» является теоретическим ядром всей диссертации. Здесь диссертант, опираясь на понятие «минус-приема», введенное Ю.М. Лотманом, и на концепцию поэтического языка М.И. Шапира, разворачивает собственную теоретическую модель. Он предлагает рассматривать поэтический язык андеграунда как «минус-язык» – совокупность сознательных отступлений от литературной нормы, которые могут возникать на всех уровнях: фонетическом, синтаксическом, морфологическом, лексическом (с. 105–110).

Для обоснования этого тезиса диссертант прибегает к сильному аргументу: если для идиолекта А.С. Пушкина существует «Словарь языка Пушкина», а для арестантского языка («фени») – «Справочник по ГУЛагу» Жака Росси (с. 112–113), то создание «Словаря языка Аронзона» или «Словаря языка Кривулина» невозможно, так как авторы не создают новой лексики, которая закреплялась бы и повторялась; они деформируют, искажают и пародируют уже существующие языковые средства, создавая «малопонятную буквенную абракадабру» (с. 113), которая не поддается словарной фиксации. Это принципиальное отличие «минус-языка» от языка как такового: он не служит целям коммуникации и не формирует устойчивых конвенций.

Андеграундная поэзия, как показывает диссертант вслед за Л.В. Зубовой, этой традиции сознательно оппонирует. Она не оглядывается на прошлое, не «задумывается о будущем», ее тексты живут настоящим и похожи на «фотоснимок» (с. 119). Именно поэтому они, по мысли автора, не могут войти в «большое время» М.М. Бахтина (с. 115–116) – время, в котором живут великие смыслы, созданные выдающимися творцами разных эпох. «Оппозиционный» характер этих текстов, их привязанность к сиюминутному социальному и политическому контексту делает их, по мнению диссертанта, принципиально неспособными к «посмертной жизни» обогащения новыми смыслами.

В этом рассуждении, однако, содержится одно из наиболее дискуссионных мест работы. М.В. Пронин, по сути, отказывает андеграундной поэзии в праве на вхождение в «большое время» на том основании, что она слишком привязана к «радикальной оппозиционности режиму». Но не является ли эта оппозиционность, выраженная на языке художественных экспериментов, тем

самым «культурным событием», которое может быть переосмыслено последующими поколениями? Где граница между «эстетически завершенными» произведениями (которые «могут жить в веках») и «минус-языком» андеграунда (который «обречен остаться документом эпохи»)? Однако сама постановка этого вопроса свидетельствует о теоретической смелости диссертанта.

В целом, вторая глава производит впечатление самостоятельного и оригинального теоретического исследования. Автор не просто применяет готовые понятия к новому материалу, но и предлагает их переосмысление. Концепция «минус-языка» открывает новые возможности для анализа экспериментальной поэзии. Вместе с тем, как уже отмечалось, дискуссионным остается вопрос о границах применимости этой концепции: не сводится ли «минус-язык» к простой сумме нарушений? И не теряется ли за этим понятием специфика индивидуальных идиолектов?

Третья глава «Поэтический идиолект авторов ленинградского андеграунда» представляет собой развернутую апробацию теоретической модели «минус-языка» на конкретном материале. Диссертант обращается к творчеству девяти авторов: Леонида Аронсона, Виктора Кривулина, Владимира Эрля, Олега Охалкина, Сергея Стратановского, Елены Шварц, Владимира Уфлянда, Александра Миронова, Александра Кондратова. Источниками послужили как печатные собрания сочинений, так и сетевые архивные подборки, что обеспечивает репрезентативность анализа. В главе подробно анализируются произведения, в которых авторы сознательно отступают от литературной нормы, экспериментируют с визуальной поэзией, синтаксическими и лингвистическими конструкциями, создают новые слова и оксюморонные сочетания.

Глава состоит из двух параграфов, посвященных намеренным ошибкам и искажениям официальной нормы (3.1) и нарушениям синтаксиса вместе с авторскими стилизациями (3.2). В параграфе 3.1 «Намеренные ошибки и искажения официальной нормы» диссертант демонстрирует, что практически все выбранные авторы широко и осознанно используют отступления от литературной нормы. Эти отступления, по мысли исследователя, мотивированы социально-бытовой или актуально-политической тематикой их стихов. Отказ от сквернословия или заимствований из прошлого литературного опыта, как

убедительно показывает автор, привел бы к искажению авторского замысла и к неверному восприятию читателем того состояния, в котором находился лирический субъект.

Во втором параграфе «Авторские стилизации» диссертант делает вывод, что выбранные поэты, каждый по своей инициативе и без руководства общими правилами, развивали тенденции, заложенные еще Алексеем Крученых. Необычное оформление текста для деятелей ленинградского андеграунда, равно как и для футуристов, было не столько способом передать ритм и интонацию стихотворения, сколько претензией на создание собственного поэтического «заумного» языка. Деконструкция традиционного синтаксиса, изъятие из предложений главных или второстепенных членов производились с целью поддержания визуальной и графической подачи стихотворения, сохранения визуального рисунка, структуры палиндрома или выбранной рифмы. Диссертант убедительно показывает, что построение предложений по правилам нормативного синтаксиса привело бы к разрушению этих визуальных и ритмических структур.

При анализе материала в третьей главе обнаруживается определенное расхождение между масштабом теоретических обобщений, к которым стремится диссертант, и характером самого разбора стихотворных текстов. Анализ нередко строится как последовательное, детализированное описание приемов (инверсий, палиндромов, катахрез, нарушений синтаксиса, намеренных ошибок) без последующего вывода о том, как эти приемы работают на смысловом и эстетическом уровне. Создается впечатление, что зафиксировать факт отклонения от нормы для автора важнее, чем интерпретировать его функцию. В ряде случаев функцию обобщающего вывода выполняет цитата из критической работы или высказывание другого поэта (например, на с. 167 вывод о поэтике Стратановского подкреплен ссылкой на оценку Данилы Давыдова). Сам же анализ стихотворений выглядит при этом несколько отстраненным: фиксирует, что и где нарушено, но не всегда объясняет, зачем это нарушение нужно и какой художественный эффект оно порождает. Теоретические выкладки, предложенные во второй главе (понятие «минус-языка»), даются диссертанту, судя по тексту, легче и органичнее, чем живой, интерпретирующий разбор поэтического материала. В результате богатейший корпус текстов ленинградского андеграунда предстает прежде всего

как иллюстративный материал к уже готовой теории, а не как источник, способный эту теорию проблематизировать или обогатить.

Четвертая глава «Поэтический идиолект деятелей московского концептуализма, неотрадиционалистов и авторов группы «Московское время»» продолжает апробацию теоретической модели, но на материале московской ветви неподцензурной поэзии. Диссертант обращается к творчеству трех различных групп: московских концептуалистов (Д.А. Пригов, Л. Рубинштейн, Т. Кибиров), неотрадиционалистов (О. Седакова, А. Кушнер, Д. Самойлов, А. Тарковский, О. Чухонцев) и поэтов группы «Московское время» (С. Гандлевский, А. Цветков, Б. Кенжеев, А. Казинцев). Такое структурирование позволяет автору не только описать индивидуальные поэтики, но и выявить принципиальные различия в стратегиях работы со словом.

Глава состоит из трех параграфов, посвященных соответственно московским концептуалистам (4.1), неотрадиционалистам (4.2) и группе «Московское время» (4.3). В параграфе 4.1 «Творчество московских концептуалистов» (с. 270–329) диссертант анализирует поэтический язык Д.А. Пригова, Л. Рубинштейна и Т. Кибирова. Автор убедительно показывает, что для Пригова характерна нарочитая стилизация текстов под обывательские размышления, повторяющиеся слова и примитивные рифмы, отстраненная интонация и пунктуационный аскетизм, сближающий его с В. Кривулиным. В случае Рубинштейна диссертант выделяет жанр картотеки, где каждый фрагмент записан на отдельной библиотечной карточке, а целое складывается из обезличенных штампов, обрывков уличных разговоров и цитат из разных дискурсов. Особенностью идиолекта Кибирова, по мнению автора, становится сочетание разговорной лексики с литературными оборотами, активное использование интертекстов и цитат, а также словотворчество, создающее комический эффект.

В параграфе 4.2 «Творчество неотрадиционалистов» и параграфе 4.3 «Творчество поэтов группы «Московское время»» диссертант обращается к авторам, чья поэтика принципиально отличается от концептуалистской. Анализируя тексты О. Седаковой, А. Кушнера, Д. Самойлова, А. Тарковского, О. Чухонцева, а также С. Гандлевского, А. Цветкова, Б. Кенжеева и А. Казинцева,

автор приходит к выводу, что эти поэты, в отличие от ленинградцев и концептуалистов, почти не выходят за пределы литературной нормы. Задействованная лексика, за редкими исключениями, находится в границах общепринято разговорной речи или нормативного литературного языка. Диссертант связывает это с программной установкой на возвращение к традициям русской классической поэзии. Тексты этих авторов, по мысли исследователя, должны рассматриваться в рамках «нормативной» теории литературы (Бройтман, Тамарченко, Тюпа), поскольку они обладают гармонией форм, красок и звуков и способны активизировать у читателя эстетическое переживание. Немногочисленные отступления от нормы, например, у Гандлевского, всегда четко обоснованы контекстом и сюжетом.

При анализе материала в четвертой главе обнаруживается та же проблема, что и в третьей: разбор поэтических текстов нередко подменяется их пересказом или фиксацией формальных приемов без последующей интерпретации. Диссертант уверенно чувствует себя при сопоставлении групп и выделении общих стратегий (концептуалисты vs. неотрадиционалисты), но при переходе к конкретному стихотворению анализ становится суховатым и отстраненным. Например, при разборе стихотворений Пригова (с. 270–286) подробно перечисляются приемы (повторы, тавтологии, избыточный синтаксис, стилизация под азбуку), но вопрос о том, как именно эти приемы производят смысл и почему они выбираются именно для решения той или иной художественной задачи, остается за рамками. В случае с Рубинштейном (с. 286–305) детально описывается устройство картотек, но эстетический эффект чтения этих картотек (смена интонаций, паузы, монтаж разнородных голосов) почти не анализируется. Теоретические выкладки о постмодернизме, предложенные во второй главе, не всегда проецируются на конкретный стихотворный материал. В результате московский андеграунд, как и ленинградский, предстает прежде всего как поле для приложения уже готовой теории «минус-языка», а не как источник, способный эту теорию обогатить или скорректировать.

В итоговой части главы автор приходит к важному выводу: поэтические тексты «Московского времени» и неотрадиционалистов, в отличие от текстов ленинградского андеграунда и московского концептуализма, требуют иных

методов анализа и должны рассматриваться в рамках «нормативной» теории литературы как произведения, обладающие эстетической завершенностью и способные активизировать у читателя переживание прекрасного (с. 358–360).

В Заключении (с. 361–369) диссертант подводит итоги проведенного исследования, обобщает основные выводы и намечает перспективы для дальнейшего изучения темы. Автор предлагает итоговые определения ключевых понятий (литературный язык, язык художественной литературы, поэтический идиолект, поэтический язык), что придает работе завершенный и логически стройный характер. Все задачи, сформулированные во введении, нашли свое решение в тексте диссертации.

Как любое серьезное исследование, посвященное сложной и дискуссионной проблеме, диссертация Максима Вячеславовича Пронина вызывает ряд вопросов и замечаний.

В разделе «Теоретико-методологическая база исследования» (с. 11–12) заявлен широкий спектр подходов: описание, наблюдение, компонентный анализ, сопоставление языковых фактов, обобщение, систематизация, историко-литературный метод, сравнительно сопоставительный метод, системно-целостный метод. Однако реальный инструментарий, используемый в практических главах, оказывается богаче декларированного. При анализе идиолектов ленинградских поэтов (глава 3) и московских авторов (глава 4) диссертант активно применяет методы лингвостилистического анализа, выявления доминантных приемов и реконструкции индивидуальных поэтических систем, которые не получили отдельного описания в методологическом разделе. Кроме того, в работе фактически используется типологический подход при сопоставлении трех групп авторов (ленинградцы, московские концептуалисты, неотрадиционалисты), однако сам принцип типологии не обсуждается. Отсутствие этих уточнений в методологическом разделе создает разрыв между декларируемой и реально используемой исследовательской оптикой.

Ряд положений, выносимых на защиту, сформулирован недостаточно конкретно. В частности, в третьем положении (автореферат, с. 7) утверждается, что многие произведения андеграунда не отвечают «нормативам» классической теории литературы, в частности теории «большого времени» и традиции в

понимании Т.С. Элиота, ввиду их провокативности, заумности и оппозиционности. Однако сам критерий «неотвечания нормативам» остается размытым. Остается неясным, по каким именно параметрам можно определить, что текст не входит в «большое время»: по степени привязанности к историческому контексту, по отсутствию последующей рецепции или по чему-то иному. Без уточнения этих критериев положение выглядит скорее оценочным суждением, чем верифицированным научным утверждением.

В четвертой главе при сопоставлении московских концептуалистов и авторов группы «Московское время» диссертант проводит четкую границу: первые работают с «минус-языком», вторые ориентируются на литературную норму. Однако это противопоставление, при всей его эвристической ценности, не учитывает промежуточных явлений. Например, у Тимура Кибирова, отнесенного к концептуалистам, обнаруживаются классические формы (сонеты, элегии) и лирическая интонация, сближающая его с неотрадиционалистами. У Сергея Гандлевского, напротив, присутствуют просторечия и ироническая стилизация, характерные для постмодернистской поэтики. Бинарная оппозиция «минус-язык versus норма» упрощает реальную картину, где многие авторы работают на границе между этими полюсами. Введение более гибкой шкалы или выделение переходных типов позволило бы сделать анализ более дифференцированным.

Высказанные замечания и вопросы носят дискуссионный и рекомендательный характер, направлены на дальнейшее развитие идей диссертанта и не снижают общей высокой оценки проведенного исследования. Диссертация Максима Вячеславовича Пронина вносит существенный вклад в теоретическую поэтику, предлагая оригинальную концепцию «минус языка» и вводя в научный оборот значительный корпус ранее не анализировавшегося в этом ракурсе материала.

Работа Пронина Максима Вячеславовича является самостоятельным, оригинальным и завершенным научно-квалификационным трудом, который вносит существенный вклад в развитие теории литературы. Автор успешно справился с поставленными задачами, продемонстрировав глубокое знание предмета, владение современной методологией и способность к теоретическому обобщению эмпирического материала.

Диссертационная работа соответствует критериям, установленным пп. 9–14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в актуальной редакции), а её автор, Пронин Максим Вячеславович, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3 – Теория литературы.

Отзыв подготовила доктор филологических наук (10.01.01 – Русская литература), доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Института медиа и социально-гуманитарных наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» Зыховская Наталья Львовна.

Диссертация и отзыв обсуждены на заседании кафедры русского языка и литературы Института медиа и социально-гуманитарных наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (протокол № 8 от 20.04.2026 г.).

Семьян Татьяна Федоровна
Заведующий кафедрой
русского языка и литературы ИМСГН,
доктор филологических наук, профессор,
тел.: +7(351)267-99-05
e-mail: semiantf@susu.ru

Контактная информация:
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76
тел. +7 (351) 267-99-00
e-mail: info@susu.ru